

Журналистка «Магнитогорского металла»
провела каникулы с ребенком из интерната

АЛЕНКА ПОЖЕЛАЛА СЕБЕ «ПОБОЛЬШЕ ПАРНЕВ...»

Счастливые билет для каждого

Едва взрослый человек переступает порог интерната или детского дома, интерес детей к «новенькому» растет по мере того, пока не выяснится, что он ничей ни «папа», ни «мама». Все дети ждут, когда к ним придут. А когда-нибудь возьмут за руку и поведут, может, домой или в магазин, или просто погулять. Наконец-то это будет не рука сверстника по группе, а большая, сильная ладонь взрослого, с которым не страшно хоть с закрытыми глазами на край света.

Не случайно по решению президента этот год объявлен Годом семьи – койки в детских домах не пустеют, в некоторых ребята, вопреки санитарным нормам, вынуждены размещаться на мягких уголках игровых комнат.

Все больше находится людей, готовых усыновить или взять сирот под опеку. Однако счастливые билеты выпадают, в основном, малышам из домов малютки. Ребятам за три годика уже не так везет, «за семь» шансов еще меньше, «за 12» – они практически нулевые. Пока ребенок воспитывается в одном интернате, он привязан к одной Галине Васильевне или Марь Иванне, переходит в другое сиротское учреждение – появляются другие коллективные «мамы». Все его друзья и знакомые – тоже из детдомовского окружения, потому что вся жизнь, не беря во внимание экскурсии и походы в театры, на выставки, проходит за казенным забором. Стоит ли потом удивляться, что приготовить себе еду интернатские не могут, купить практичные вещи по сезону, потратить пособие так, чтобы его хватило не на одну неделю, тоже. А там и устроиться на работу, создать семью, вырастить детей... Замкнутую цепь может разорвать наставничество или гостевая семья.

Ребенок приходит «в гости» к приглашающей его семье по выходным, праздникам, живет там на каникулах. К огорчению, эта форма до сих пор не закреплена законодательно. Правила устанавливают либо местные органы опеки, либо директор сиротского учреждения. В Магнитогорске, как и по всей стране, практика наставничества посторонними людьми мизерна. Гостевую семью чаще оформляют на родственников ребенка – «своя кровь» – и воспитатель, по зову души берущих сирот в семьи. С чужими кандидатами в наставники сложнее. В одних регионах органы опеки упрощают процедуру оформления по максимуму – до заявления граждан и акта обследования жилищно-бытовых условий. В Магнитке, кроме этих документов, от меня потребовались: форма 23, характеристика в произвольной форме с подписями троих соседей, справка о доходах, справка об отсутствии судимости, медицинское заключение. Часть документов, которые делают более длительное время, у меня была не готова, но чиновники пошли навстречу.

«Правда, дома лучше?»

Получив разрешение в интернате взять на неделю девятилетнюю Аленьку домой, я узнала, что ребенок проходит лечение в больнице. Наши с ней новогодние каникулы начались с выхода из терапевтического отделения и продолжались всего четыре часа. В предпраздничный день мне предстояло еще много работы, но и оставить девочку в пустой больничной палате, когда всех невыписных распустили по домам на выходные, было жестоко.

– Что выберешь? – спросила ее. – Можем погулять и пробежаться по магазинам, а потом в интернат до утра, или пойдем ненадолго ко мне, посмотришь, как я живу?

– К вам, к вам, – замахала она варежками в знак согласия.

Мне не нравилось это «вы». Еще в больнице, сообщив Аленьке, что зову ее погостить на Новый год, я попыталась договориться с ребенком: «Давай на «ты», как будто мы с тобой подруги?» «Вы такая взрослая!» – возражала она. «Это не имеет значения», – успокоила я. Аленька, смущаясь, согласилась, но «выкатать» не перестала. Иредка если и «тыкала», тут же осекалась.

ФОТО АВТОРА.

Незнакомые улицы, праздничные вывески магазинов, которые она непременно прочитывала вслух по слогам, первая в жизни маршрутка, дорожная пробка и удивление: «Разве мы не бесплатно едем?» Онемевшее от удивления лицо при виде разноцветных фруктовых рядов торгового центра, елок, выставленных на продажу на улице, потом несмелый вход в подъезд, счет полуэтажей до моего пятого – это все по дороге домой. В квартире освоилась быстро. Не успела разобрать ее вещи, гляжу – пытит-поднимает с табуретки огромного черного кота и, еле удерживая такую «лялечку», тащит в комнату. Замечая второго – полосатого, размерами чуть меньше, восклицает:

– Так у вас два котенка?

Она так рада была домашним животным, что на несколько минут бросила меня со свежей рыбой на кухне. Я попросила принести из комнаты ножницы – срезать плавники.

– Можно я вам помогу?

– Попробуй. Давай покажу как.

И тут пошло другое веселье. Крупная пелядь выскальзывала из детских рук, Аленька с радостными визгами ловила ее по всему столу и никак не могла удержать. Когда рыба плыла на пол нам под ноги, мы визжали обе.

– Эти кусочки котам, а другие нам. Бросай их в кастрюлю, – предложила я, заметив, как нравятся ей делать даже малейшие вещи вместе со мной.

Аленька восприняла слова буквально и, высоко подняв рыбу над плитой, бросила в горячую воду. Обжигающие брызги и – следующая кусок лег в кастрюлю уже как надо.

– Я люблю белую рыбу, – рассказывала она за столом, поедая пелядь. – А еще красную... – Это какую?

– Ну-у... В интернате ее красноперкой называют.

И вдруг неожиданно выдала:

– Дома лучше, правда? Лучше, чем в интернате.

Аленька знает, что такое дом: с бабушкой, дедушкой и отцом прожила около семи лет, мать с малолетства девочки числится как «безвестно пропавшая», ребенок ее даже не помнит. Отец, видимо, был не очень хорошим родителем, потому что, когда бабушка умерла, воспитывать и содержать ребенка ему стало не по силам. Со слов родной тетки – единственного человека, навещавшего девочку в интернате, – и то, как выяснилось, в корыстных целях, – Аленька утверждает, что отец ее сейчас в тюрьме...

О прошлой ее жизни мы говорили только тогда, когда она сама вспоминала что-то. Радовало, что ребенок легко и без вселенского удивления, как это бывает с сиротами, попавшими домой, включался в процесс уборки, готовки, стирки – особенно ей нравилось, когда мы плохались руками в тазике вместе. Правда, хватало Аленьки ненадолго. Зато готовность помогать была пионерской.

Хочуха-нехочуха

Первое неприятное облачко наших отношений, к которому я была не готова, появилось на горизонте на второй день каникул. Воспитатель накануне предупредила:

– Не идите у нее на поводу. Будет, как все детдомовские, просить и тянуть из кармана деньги на то-другое-третье. Типичное поведение потребителей, которые считают – все им должны, а сами не ценят, что им дают. Она вам пожаловалась, что в больнице у нее нет ни зубной пасты, ни полотенца, ни сменной одежды? Неправда. Все либо раздала подружкам из других палат, либо повыкидывала в мусорку, чтоб родители домашних детей пожалели и отдали что-нибудь из своего...

Как только мы зашли с Аленькой за покупками в торговый центр, посыпались: «Купите мне чего-нибудь...» Куклу – хотя я пообещала ей такой подарок на Новый год, детский фотоаппарат – хотя она уже нафоткалась с моим, настоящим, у меня дома, джинсы-юбочки-кофточки – хотя в интернате нам дали огромный пакет с хорошей одеждой, шоколадки, чипсы, семечки, игрушки, гирлянды, колечки... Кажется, от ее «хочу» я сойду с ума. Тогда я предложила: «Хорошо, давай все это купим и сегодня же я отведу тебя назад в интернат, потому что у меня не будет денег даже еду нам купить». Она тут же нашлась что ответить: «Да шучу я! Не понимаете, что ли?», а через пять минут история с «купите» повторилась. Выход из центра был спасением, но тут, увидев машину с шашечками и вспомнив, как здорово мы прокатились вчера на такой же до интерната, она жалобно протянула:

– Так хочу покататься на машине!..

– У меня машины нет. Подойди к таксисту и спроси: «Вы меня бесплатно не повозите?» – предложила я. – Меня-то точно не покажет, может, с тобой получится?

– Не-е...

Вторая неприятность, с которой мне предстояло столкнуться, была гастрономической. Что бы я ни приготовила из домашнего, Аленька ела вяло, а то и вовсе отворачивалась. Компот из кураги казался ей, по сравнению с безвкусным интернатовским, кислым, молочная каша – сладкой, суп с лавровым листом почему-то пах грибами, которые она терпеть не может, домашний тефтелей и котлет она не признавала, потому что там нелюбимое мясо...

Я была в отчаянии: надо было учиться готовить по-столовому! Знакомые утешали: если бы ты столько времени питалась только в столовой, для тебя домашняя пища тоже была бы чужой и непривычно невкусной. Оставалось ждать, когда она проголодается.

Третье, что беспокоило, – грубые словечки, которые так легко и непосредственно вылетали из ее милого ротика. Это был не мат, но крепкая ругань. Особенно резануло слух, когда, дурась, я завалила ее в сугроб, и она, не справившись со мной, крикнула: «Ах ты, тварь такая!» На новогоднем вечере у моих родителей Аленька могла кинуть так же просто любому взрослому: «Отвали!» – если ей докучали предложениями пообщаться, попить-поесть. Но про ругательства мы с ней договорились: дома их не произносим или просим потом прощения.

Заветное новогоднее желание

Все остальное время было наполнено ее безотной по квартире, дрессировкой котов, пением детских песен под фонограмму... К сожалению, в ночь на первое января девочка серьезно простыла, заигравшись на снежной горке вместе со мной. Аленька впервые перешла тогда на «ты», называя меня Людой, и упрямо повторила на вопросы, замерзла ли она: «Нет!» Температура, кашель, сопли – все, как и полагается, было у нас.

Каникулы превратились в домашний карантин с бесконечным лечением, которое она переносила без капризов. Чтобы поправлять ночью скинутое одеяло и давать чай из термоса, едва она поднимет голову, я ложилась спать рядом с ней на диван. Перед сном читали по очереди сказки, долго обнимались, чмокались в щечку. Днем рисовали, лепили снежинки на окна, делали своими руками открытки воспитателям, печатали на компьютере, просто валялись на диване и болтали. Лишь неожиданный визит Деда Мороза и Снегурочки – «настоящих, не то, что в больнице», убеждена Аленька – нарушил наше заточение. Схватившись за посох Мороза, она загадала про себя вполне понятное для девочек желание: пусть в этом году у нее будет «побольше парнев»...

Когда накануне рабочей недели я увезла ребенка в интернат, в квартире стало непривычно пусто. Только два больших шарика да детские игрушки напоминают, что скоро сюда вернется непоседа Аленька. Интересно, она скучает по мне?..

Продолжение следует.

ЛЮДМИЛА БОРОШКИНА.